

Лауреаты премии областной комсомольской организации

« Б Ы Т Ь НЕДОВОЛЬНЫМ СОБОЙ... »

Часто можно услышать, когда на вопрос, как давно вы стали мечтать о театре, отвечают:

— Еще в раннем детстве сцена, огни рампы, полумрак в притихшем зале волновали и манили меня необыкновенно.

В детстве он не думал о театре. Да, ему нравилось еще в школе выйти на сцену и читать Пушкина и Блока, Есенина и Егупшенко. Да, он совсем, как настоящий актер, волновался перед каждым выходом. Да, он искренне радовался тому, что зал принимает его хорошо, и переживал, когда принимал довольно-таки сдержанно (такое тоже случалось).

Но все это был не настоящий театр, в котором шла актера, четкий рисунок движения роли, сценическая правда, в которую искренне артист верит, потому что в театре надо верить, только тогда «даже сама ложь делается правдой в глазах артиста и зрителя для того, чтобы стать искусством».

Все это придет потом, а пока он просто школьник, который любит читать со сцены стихи любимых поэтов:

Сорок первый сигнальный ракетой угасал под ногами в грязи. Как подмостки великих трагедий, сотрясались перроны Руси.

Правда, он уже активный член агитбригады при Доме культуры, на смотре юношеских талантов ему вручают грамоту; правда, руководитель драматического кружка Иван Яковлевич Горский пригласил к себе, и он стал аккуратно посещать кружок, сыграл даже эпизодическую роль в какой-то одноактной пьесе, названия которой сейчас и не помнит. Помнит только, что играл он в ней итальянца, которого какие-то судьбы забросили в Россию, который служил в чине поручика и который замыслил и вершил всевозможные козни против Тараса Шевченко.

— Отвратительнейший и тип был этот поручик, — вспоминает он.

И все-таки, несмотря на успех своего эпизодического и отвратительнейшего поручика, из драматического кружка он уходит, поняв за время пребывания в нем:

в игре актера нет мелочей, и эпизод зачастую сложнее играть, чем роль заглавную, ибо в эпизоде двумя-тремя штрихами необходимо уметь выразить общий и внутренний рисунок роли. Неважно, произносишь ли ты одно-два слова, фразу или вообще молчишь, но двумя-тремя штрихами ты обязан со-

здать характер на сцене. Сам он объясняет причину своего ухода так:

— Занятия в кружке меня не удовлетворяли, а поэзия по-прежнему звала и манила, и я по-прежнему продолжал читать.

Снова была агитбригада. Снова были дороги. На стареньком автобусе катили они в близлежащие или дальние села, давали концерты в сельских клубах, на полевых станах, в заводских цехах. Станки в это время молчали, а он читал:

Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами! Да, сныфы — мы! Да, азиаты — мы, с раскосыми и жадными глазами!

Уже поздно вечером возвращались домой. Автобус потряхивало. Все сидели молчаливые, уставшие, каждый думал о своем.

— Это была замечательная усталость, — говорит он. — Нам нравилось, что наши концерты нравятся, что люди благодарят нас за наше пусть негромкое, но искреннее, идущее от сердца искусство.

А потом был дом. — Поешь что-нибудь, — говорила мать. И он гремел на кухне крышками кастрюль, ужинал, а потом подолгу просиживал у окна, погасив в комнате свет.

Если хочешь увидеть звезды, погаси в комнате свет. Если хочешь помолчать, побыть наедине с самим собой, снова пройтись той дорогой, которая несколько часов назад еще была явью, погаси в комнате свет. Тишина ночи, редкие огни засыпающего города, далекий яркий свет звезд вернут тебе твою дорогу, твои мысли во время пути, и ты снова, до мельчайших подробностей все это переживешь. И снова желанно придут стихи:

В густой траве пропадешь с головой, в тихий дом войдешь, не стучась...

«Окончил школу, ушел на завод слесарить, о театре не думал. Да мне и страшно было подумать, что когда-то я стану актером-профессионалом, что театр полностью захватит меня и я не смогу представить своей дальнейшей жизни без него. Но был набор в наше Горьковское театральное училище, и какая-то непонятная сила заставила меня предстать перед экзаменационной комиссией. Читал Есенина и Твардовского, басню Крылова «Кот и порвар», Чехова «Предложение», исполнял этюды парные, одиночные, групповые, пел, танцевал... И каково же было мое удивление, когда узнал, что в училище принят».

Четыре года учебы. Дипломным спектаклем была комедия Шекспира «Укрощение строптивой». Он иг-

рал Гремио, этого молодого старика:

Не спелся мой пирог, но все ж пойду. Хоть на пиру я душу отведу.

С этих пор и начинается его любовь к Шекспиру, который был, есть и будет той заветной вершиной, о покорении которой многие актеры мечтали и мечтают, и которого так тонко охарактеризовал однажды А. В. Луначарский:

«Он был влюблен в жизнь. Он ее видит, как никто до него и после него не видел. Он видит страшно широко. Он видит все зло и добро, он видит прошлое и возможное будущее. Он глубоко знает людей, он знает мечты этих людей, видит все внутри этих людей, сердце каждого, и это всегда, смотрит ли он в прошлое, или выражает настоящее, или создает свой собственный тип, из своего сердца: все живет жизнью полной, как живой человек».

Шекспир — это школа для актера, и он, молодой выпускник театрального училища, хочет быть в этой школе учеником и творцом одновременно.

У каждого из нас есть одно мерило времени — год. Каждый год — это своего рода веха, которая определяет нашу жизнь, работу. У актеров так не принято. Они живут от одного театрального сезона до другого.

Так вот, если определять время, как определяют его актеры, то Володя Варенцов работает в Брянском драматическом театре уже четвертый сезон. О нем уже не скажешь, что он приезжий, он уже наш, брянский. Здесь он начинал, здесь, как иногда говорят, вырос из одной рубашки в другую.

Хорошо помню, как он приехал. Был апрель и был с ним один — единственный чехомоданишко. Он вынул из него деревянного скальда интересной и оригинальной работы, прикрепил на стене и объявил: — Для уюта.

Уюта было, правда, еще мало. Большая пустая комната, единственный стул и единственный старенький диван, переходящий по традиции от одного актерского поколения к другому.

Его это волновало мало, он приехал прежде всего работать, ну, а остальное, как он объяснил, остальное со временем приложится.

Он сразу окупился в работу. Ему дали сложную настоящую роль, о которой любой актер мог бы только мечтать. В пьесе Юрия Принцева «Девятая симфония» Володя должен был сыграть Николая Островского.

Конечно же, он волновался. Ведь это была не просто роль, а и его дебют как актера. Это была не просто роль еще и потому, что создать на сцене образ такого человека, как Николай Островский, — задача трудная для актера уже с опытом, а он только закончил училище, у него еще не было этого опыта, который приходит с годами.

Но сомнения сомнениями. Всегда сомневался, когда в поиске, когда не на финише, а только на старте. Впереди репетиции, репетиции. Долгий и нелегкий это путь от репетиции к спектаклю. Поиски ключа к раскрытию образа. Не один вечер он провел над книгами Островского. Читал, перечитывал... Знакомился с письмами писателя, с воспоминаниями тех, кто знал Островского.

У химиков есть такое выражение «кристаллизация». О кристаллизации чувства писал Стендаль. О кристаллизации образа тоже многие писали. Создание образа на сцене требует от актера умения перевоплощаться и быть характерными, ибо, как писал Станиславский:

«У каждого искренне созданного образа есть свои, ему присущие привычки, особенности движения, походка, манера и прочее».

Если они не надуманы, а выросли от духовного переживания образа, все эти внешние особенности роли неразрывно слиты с самой психологией ее».

Он искал грим. Долго не мог найти его. Множество вариантов. Отречение от них. Иногда в одной неудачной пробе вдруг находил какой-то один любопытный штрих. Штрихи постепенно собирались в набросок. Не хватало одной последней, решающей черточки.

— Мне очень помог гример Василий Иванович Медведев, — вспоминает Володя. — Мы вместе искали грим, мы вместе его нашли.

Первый режиссер Володи стал его первой любовью. И эта любовь родилась от умения Владимира Григорьевича Давыдова быть не только для молодого актера режиссером, но и быть требовательным, чутким педагогом, товарищем.

«Девятая симфония» посвящалась полувековому юбилею комсомола. «Девятая симфония» стала настоящим праздником для всех, кто ее видел, кому посчастливилось ее видеть. Постановочный коллектив театра был награжден Почетными грамотами обкома и Брянского горкома ВЛКСМ. Володя к тому же был отмечен дипломом первой степени Министерства культуры РСФСР.

Вот что писала газета

«Брянский рабочий» об игре Варенцова:

«Успех артиста полный и заслуженный. Да, это — Островский, говоришь себе буквально в первый же момент спектакля. Темперамент, преданность идеям и делу партии, непреклонная воля в борьбе сочетаются с душевностью и лиризмом».

В Островского-Варенцова веришь, потому что прежде всего Володя не уходил, а приходил к одному из основных требований театра: «биография действующего лица — автобиография артиста — роли».

Дебют Варенцова как актера состоялся. Он создал образ, который можно смело записать в актив актерских удач. И долго нам помнить, когда вместе с товарищами Николай Островский давал свою коммунарскую клятву:

«Я, коммунар, клянусь делить с товарищем шинель и махорку, беду и удачу, прикрыть своим телом от пули и вынести с поля боя, считать себя мобилизованным до победы мировой революции. Уважительной причиной для увольнения считать одну: смерть!»

Быть недовольным собой, быть постоянно в поиске, отстаивать идеи революции, а следовательно, свои идеи до самого конца... Это определяло Николая Островского, это определяет и Варенцова как актера и человека. Он необыкновенно требователен к себе. Он трудолюбив.

Это ведь действительно, долгий и нелегкий путь от репетиции к спектаклю. К тому же Володя — секретарь комсомольской организации театра. Дел, забот — уйма. Свободная минутка выпадает редко. Он тогда берет гитару, поет. Я часто его слушал, следил, как его воспринимают другие. Нравится всем, как поет Володя. Голос мужественный, поет тихо, и каждая песня, как рассказ. Нравится ему философичность и повествовательность в песне. Не любит, когда вместо песни словесные выкрутасы. Открою секрет: сам иногда пишет музыку. Несколько его песен прозвучали в некоторых спектаклях нашего театра. Во «Вкусе черешни» сам играл, сам пел.

«Люблю читать, а времени на чтение мало. Но зато осенью забываю и книги. Собираюсь еще с вечера. Кошелочка, ножичек, заветрак, билет на автобус — и айда через рассветный город в рассветный лес. В лесу грибы. В лесу пахнет соснами. Ни тебе репетиций, ни забот. Собирай грибы, дыши озоном, чтобы завтра с новыми силами, свежими мыслями снова окупаться в работу».

Были другие роли: большие и маленькие, но новой

вехой стала для актера работа над образом молодого Ленина. Молодежь театра решила поставить пьесу Ивана Кычакова «Минькино счастье».

Снова библиотеки, книги Ленина и о Ленине, образ Ильича в произведениях художников и скульпторов. Он тогда уехал в Шушенское. Там жил, там даже купался в холодной Шуше. Говорят, это место, где любил купаться Ильич. Ему понадобилась даже такая деталь, как ощущение после купания. Для этого мало опустить руку в воду. Для этого надо долго плыть, отдыхать на спине, смотреть, как облетают с деревьев последние листья, как несласково и уже нетепло, лениво светит осеннее солнце.

Конечно же, он побывал в доме Зырянова и Петрова. Уезжал в Минусинск, Ермаковское. Изучал документы. Из Шушенского он летел в Ульяновск. Впечатлений была масса. Вернулся с желанием работать, только работать. Это была, как жажда, когда пьешь из родника воду и никак не можешь напиться.

Я помню Володю в одном из антрактов. Шло «Минькино счастье». Он не ушел от роли, он жил ею в каждом своем жесте, движении, словах. Я понял, что в такие минуты к актеру грех подходить, его надо оставить одного, там, в далеких и таких близких нам 1897—1900 годах, когда молодой Ленин вступал в ряды партии большевиков, когда первый съезд партии все же состоялся, когда революция делала свои первые шаги. Его надо было оставить в том времени, которым он жил.

Образ молодого Ленина — это новый этап в творчестве актера, еще одна заветная страничка не только в его жизни, но и в жизни всей комсомольской области. Мы по праву гордимся тем, что молодой актер Брянского драматического театра стал одним из первых лауреатов премии областной комсомольской организации. Это почетное звание лауреата. Оно обязывает ко многому.

А Володя недоволен собой. Опять надо искать грим. Не тот грим.

— Я найду этот грим.

Это замечательно, что человек постоянно недоволен собой. Значит, он в поиске. Впереди — новые вершины, новые роли, новое недовольство, новые творческие удач.

— Мне бы сейчас Шекспира сыграть.

Будет еще и Шекспир. Главное есть: святое недовольство собой.

А пока репетиции, репетиции...

С. ТОЛКАЧЕВ.